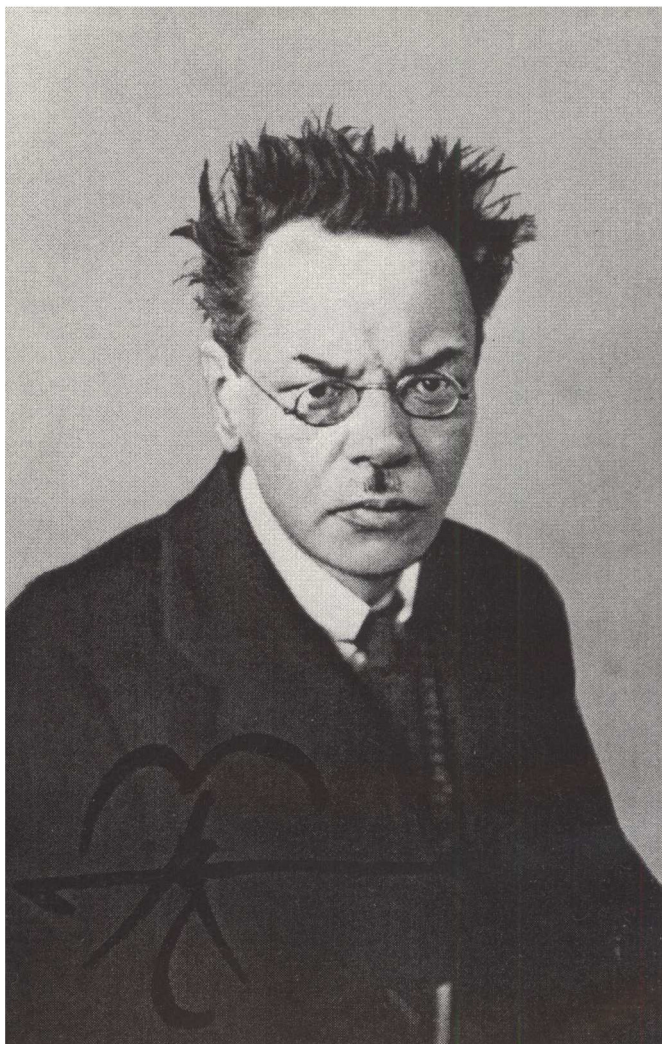

А. М.
ДЕМИТЗОВ
СОЧИНЕНИЯ

А. М. Демитзов

А. М. Ремизов. Берлин. 1922 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А.М. Р
ЕМИЗОВ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ВЗВИХРЁННАЯ РУСЬ

МОСКВА
• РУССКАЯ КНИГА •
2000

Руководитель программы **Михаил Неиашев**

Редакционная коллегия:

А. М. Грачева (главный редактор), **Т. Г. Иванова**, **А. В. Лавров**,
Н. Н. Скатов, **О. П. Раевская-Хьюз**, **Н. М. Солнцева**

Издание подготовлено при содействии **Б. Б. Буннич-Ремизова**,
Е. Д. Резникова, **А. Д. Резникова**

Подготовка текста «Взвирённой Руси», «Клада», «Кедриков», статья,
комментарии **А. В. Лаврова**

Подготовка текста «Дневника», «Скоморошских ляс», «Расправы»,
«Сказочек», «Слова о погибели Русской Земли», «Слова к матери-земли»,
«Плача», «Заповедного слова Русскому народу», статья,
комментарии **А. М. Грачевой**

Подготовка текста «Дневника» **Е. Д. Резникова**

Подготовка текста «Вонючая торжествующая обезьяна...», статья,
комментарии **Е. Р. Обатниной**

Подготовка аннотированного Указателя имен **А. М. Грачевой**,
А. В. Лаврова

Техническая подготовка тома **О. А. Лиидеберг**

Ответственный редактор **А. М. Грачева**

Оформление **Г. Л. Шацкого**

Ремизов А. М.

Р 38 Собрание сочинений. Т. 5. Взвирённая Русь. — М.:
Русская книга, 2000.— 688 с., 1 л. портр.

Пятый том Собрания сочинений А. М. Ремизова содержит произведения, посвященные эпохе революции 1917 г. В нем впервые объединены ремизовские сатира и публицистика тех лет, роман-хроника «Взвирённая Русь», а также документы из российских и зарубежных архивов, в том числе «Дневник 1917—1921 гг.».

ISBN 5-268-00482-x
ISBN 5-268-00494-8

УДК 882
ББК 84Р

- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Собрание сочинений А. М. Ремизова, 2000 г.
- © Издательство «Русская книга», Собрание сочинений А. М. Ремизова, 2000 г.
- © Лавров А. В., подготовка текста, статья, комментарии, 2000 г.
- © Грачева А. М., подготовка текста, статья, комментарии, 2000 г.
- © Обатнина Е. Р., подготовка текста, статья, комментарии, 2000 г.

ОБЕЗЬЯНЬЯ ВЕЛИКАЯ И ВОЛЬНАЯ ПАЛАТА АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

В революционные годы (1917—1921) окончательно сложилась знаменитая литературная игра Алексея Ремизова — Обезьянья Великая и Вольная Палата. Это «тайное общество» как оригинальное воплощение принципов литературного и человеческого братства ведет свое начало со времени создания «Трагедии о Иуде принце Искаротском» (1908). Образы и сюжет пьесы были заимствованы из апокрифических сказаний, и только один персонаж — царь обезьяний Обезьян Великий — Валах — Тантарарах — Тарандаруфа Асыка Первый — выбивался из рамок привычных представлений. Колоритный герой побудил писателя придумать для маленькой Ляляши (Елены), дочери брата Сергея, игру в Обезьянью Палату.

Возникшая из детской забавы, Обезьянья Великая и Вольная Палата соединяла реальность с воображением и импровизацией; ее игровая условность ничуть не умаляла серьезности и конкретности самой жизни. Автор отвел себе в этом фантастическом пространстве скромную роль секретаря и хроникера — «канцеляриуса». Каждый посвященный в члены общества (среди которых были самые яркие представители литературно-художественной элиты Петербурга, Москвы, а затем и эмиграции) удостоивался «обезьяньей награды» — грамоты, знака или ордена за особые заслуги и специального звания или должности.

Союз людей свободного творческого духа, неотягощенных трафаретным мышлением, выделяющихся из обывательской среды, назван Обезьяньим обществом, поскольку, с одной стороны, обезьяна символизирует природную мудрость, естественность и даже хитрость, с другой — своеволие, нежелание подчиняться каким-либо нормам и пра-

вилам, словом, живет в свое удовольствие. Отметим, что Ремизов заявил «обезьянью» тему еще в 1903 году. В одном из стихотворений в прозе («После зноя желаний») встречается строка: «И скотский гам гогочет и мудрость обезьянья глубокомысленно мечтает»¹, где противопоставленные «скотство» и «мудрость», инстинкт и разум (впоследствии основополагающие мировоззренческие концепты ремизовского творчества), впервые соотношены, пусть и косвенно, с антитезой Человек — Обезьяна.

Стереотипное представление человека об обезьяне непременно включает в себя не только элемент развлечения (обезьяна по своей природе должна уметь презабавно «ломать комедию»), но и скрытое опасение перед ее проделками. Впервые конфликт Человека и Обезьяны представлен в «Трагедии о Иуде...» и рассказе-сне «Обезьяны» (1908), где люди публично казнят обезьян — в соответствии с собственными законами. Человеку выгодно представить собственную жестокость свойством обезьяньего характера и обвинить обезьян во всех смертных грехах, себя же наделить высшим правом распоряжаться чужой жизнью и уже от имени власти насаждать узаконенный садизм.

Однако исторический контекст привносит в образ ремизовской обезьяны принципиальные изменения. В произведениях первых революционных лет обезьяна предстает воплощением грубой, бессмысленной и разрушительной силы, символом большевизма, революционной толпы, не признающей святынь, лишенной нравственных критериев. В знаменитом «Слове о гибели Русской Земли» (1917) эта тема звучит в унисон статьям М. Пришвина, публицистическим произведениям Ф. Сологуба, «Черным тетрадям» или стихотворениям З. Гиппиус революционных лет². «Слову...» предшествовало «сочинение» следователя

¹ См.: Переписка с А. М. Ремизовым (1902—1912) / Вступ. статья и коммент. А. В. Лаврова; публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и И. П. Якир // Литературное наследство: Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 155.

² Ср., напр., с дневниковой записью З. Гиппиус: «Мы в лапах гориллы, а хозяин ее — мерзавец» («Черные тетради» Зинанды Гиппиус / Подгот. текста М. М. Павловой; вступ. статья и примеч. М. М. Павловой и Д. И. Зубарева // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 29).

Боброва из повести Ремизова «Пятая язва» (1912) — «Плач над разоренностью земли русской о гибели русского народа», где миру людей впервые в унижительном смысле присваиваются обезьяньи повадки: «хихикающее трусливое общество с своим обезьянским гоготом»¹.

Если образ обезьяны используется в «Слове о гибели...» косвенно — в качестве нелестного сравнения, то в неопубликованном при жизни писателя памфлете «вонючая торжествующая обезьяна» прямо отождествляется с большевизмом. Такая трактовка раздвигает рамки «обезьяньей» темы в творчестве писателя, позволяя обнаружить антиномическую сущность своеволия обезьяны. Волеизъявление в понимании Ремизова — это действие, нравственное содержание которого зависит от выбора между бессмысленным разрушением жизни («торжествующая обезьяна») и творческим преображением действительности (Обезвельволпал). В своем Дневнике Ремизов в тот же самый день, когда, по всей вероятности, была написана «Вонючая торжествующая обезьяна...» (1 января) записал: «Русская литература всегда стояла на стороне угнетенных и по заветам ее никогда не может стать в ряды *торжествующей обезьяны*»².

Чем очевиднее становились результаты большевистской революции, поначалу казавшейся неумным разгулом народной стихии, тем нагляднее проявлялся ее государственный характер. Вольный порыв жизни угасал, подавленный революционными декретами, запретами и ог-

¹ Ремизов А. Пятая язва // Альманах издательства «Шиповник». Кн. 18. СПб., 1912. С. 150. О внутренней взаимосвязи «Слова о гибели...» и «сочинения» Боброва см.: Грачев А. М. «Слово о гибели Русской Земли» и произведения А. М. Ремизова // Академик В. М. Истрин. Тезисы докладов... Одесса, 1990. С. 97—98; Козьменко М. В. «Я писал всегда врозь с темой дня...» // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 231—232. Примечательно, что в последней редакции «Слова», вошедшей в состав «Взвихренной Руси», тема «гикающих обезьян» полностью снята.

² Спустя много лет, когда улягутся все политические страсти, когда «злоба дня» отойдет на дальний план, Ремизов объяснит свое понимание связи «заветов литературы» и «революции»: «Революция — зовет; прошлое „сделанное“ — все, что живо-пламенно, все равно интернациональное и такое из беллетристики, не разрушать ни под какую руку — только дурашливый хозяин в революцию коверкает машины и разрушает „налаженный аппарат“ каких-нибудь очень полезных хозяйственных учреждений только потому — „революция!“, „старый режим!“ или еще как» (Ремизов А. Встречи. С. 258).

раничениями. В новом политическом контексте «обезьянье своеволие» выглядело предпочтительнее «порядка», устанавливаемого государством. Образ обезьяны-тирана — неменяемого чудовища, разрушающего культуру и самую жизнь — исчезает из ремизовского творчества как будто в одночасье. Происходит своего рода семантическая «перекодировка» символов, а образ «вонючей торжествующей обезьяны» сменяется образом свиньи. Начиная с 1919—1920 годов, в «обезьяньих» текстах Ремизова именно свободололюбивые обезьяны воплощают и хранят высокие этические принципы. «Реабилитация» обезьяны, быть может, отчасти объясняется изменением политической ситуации, заставившей писателя убедиться в переменчивости так называемых общественно-политических констант жизни и в постоянстве стремления человека к свободе. Некоторые косвенные свидетельства о круге чтения писателя этого времени наталкивают на мысль, что такой значимый поворот в его мировоззрении, возможно, имел и конкретную литературную основу. В домашнем «кондуите» «книгочех» Обезвельволпала — библиофила Я. Гребенщикова несколько раз встречаются отметки о выдаче Ремизову романа А. Франса «Восстание ангелов» из собственной библиотеки¹.

Напомним, что роман начинается с таинственного и варварского разрушения богатейшего книгохранилища. Библиотекарь, господин Сарьетт впадает в отчаянье. Силясь понять, кто способен на такое дикое преступление, он «задавал себе вопрос, не являются ли эти ночные погромы делом злоумышленников, которые проникают сюда с чердака, через слуховое окно, чтобы похитить редкие и ценные издания. Но никаких следов взлома нигде не было видно, и, несмотря на самые тщательные розыски, он ни разу не обнаружил ни малейшей пропажи. Сарьетт совершенно потерял голову, и его стала преследовать мысль, что, может быть, это какая-нибудь обезьяна из соседнего дома лазает с крыши через камин и орудует здесь, имитируя ученые занятия. „Обезьяны, — рассуждал он, — очень искусно подражают действиям человека“». Так как нравы этих животных были известны ему главным

¹ РНБ. Ф. 41. № 4. Л. 24, 33.

образом по картинам Ватто и Шардена, он воображал, что в искусстве повторять чьи-нибудь жесты или передразнивать кого-нибудь они подобны Арлекинам, Скарамушам, Церлинам и Докторам итальянской комедии; он представлял их себе то с палитрой и кистями, то с ступкой в руке, за приготовлением снадобий, то листающей у горна старинную книгу по алхимии. И когда в одно злосчастное утро он увидел большую чернильную кляксу на странице третьего тома многоязычной Библии в голубом сафьяновом переплете, с гербом графа Мирабо, он уже не сомневался больше, что виновницей этого злодеяния была обезьяна»¹.

Поиски вскоре привели библиотекаря в старый сарай, где он увидел бесконечно жалкое создание — ничуть не похожее на то, что рисовалось в его воображении: «...на прелой соломе, на рваной подстилке, сидела, дрожа, молодая макака, охваченная цепью поперек туловища. Она была ростом с пятилетнего ребенка. Ее посиневшая мордочка, морщинистый лоб, тонкие губы выражали смертельную тоску. Она подняла на посетителя все еще живой взгляд своих желтых зрачков. Потом маленькой сухой ручкой схватила морковку, поднесла ко рту и тут же отшвырнула прочь. Поглядев несколько мгновений на пришедших, пленница отвернулась, как если бы она не ждала ничего больше ни от людей, ни от жизни. Скорчившись, обхватив колено рукой, она сидела не двигаясь, но время от времени сухой кашель сотрясал ее грудь»².

Несчастливая, замученная людьми макака удивительным образом напоминает персонажей сна «Обезьяны». Несомненно, что в контексте переживаемой писателем исторической эпохи, когда культурные ценности стали объектом отщипывания революционной толпы за многовековую социальную несправедливость, этот фрагмент «Восстания ангелов» мог наполниться особым смыслом, актуализирующим и тему озверевшего человека, и образ невинного животного, а весь сюжет — предстать вариацией на тему истинных и ложных умозаключений, в границах которых

¹ Франс А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 18—19.

² Там же. С. 19.

вращается стереотипное мышление. «...старый книголюб, который пришел сюда, объятый гневом и негодованием, ожидая встретить насмешливого врага, коварное чудовище, ненавистника книг, теперь стоял растерянный, подавленный, огорченный перед этим маленьким зверьком, у которого не было ни сил, ни радостей, ни желаний. Поняв ошибку, растроганный этим почти человеческим лицом, еще более очеловеченным печалью и страданиями, он опустил голову и сказал: — Простите!»¹.

В конце 1910-х — начале 1920-х годов основным объектом едкой ремизовской иронии стали «бесхвостые» двуногие, которые, объявив себя «человеками», так и не выбрались из состояния «скотов»². На известную литературную традицию — наделять животных человеческими чертами и подчеркивать их несомненное превосходство над людьми (восходящую к Плутарху), а также на откровенно сатирическую ориентацию приема позже указал сам писатель: «...„обезьянье царство“ как-то само собой получило в войну и революцию сатирический характер свифтовского лошадиного царства *гуигннмов*: царь Асыка издавал манифесты и подписывал „собственнохвостно“ декреты»³.

Обезвельволпал был определенно аполитичным сообществом, но в то же время не мог существовать вне политики. Изолированное для непосвященных и умышленно отвлеченное от действительности пространство откровенно пародировало уродливые формы большевистского режима. Предметом сатиры становилось даже обыкновенное бытовое поведение. В этом плане показательна сказка «Заячий

¹ Франс А. Собр. соч. Т. 4. С. 20.

² В частности, тема различия «скотского» и «звериного» в человеке находит воплощение в рассказе «Свет нерукотворенный» (1916). Ср.: «...вот эта несчастная капля человечества, высокомерно отгораживающегося от зверя, зверье с человеческими громкими псевдонимами, — именами крестными! / Я спрашиваю: / — Какое же отличие этих человекотворенных от зверей? / — Да одна отличка, — отвечает кто-то тихонько, ко всему претерпевшийся, — они все небритые, а люди, сам видишь! / И вижу, как сквозь сон, — или мне снилось когда-то, — есть в мире среди зверей звери, достигнувшие человека, — какая жуть, какое проклятие человеку во зверях среди братьев зверей и сестер звериц и зверного брата летающего и книжного разумного человечества» (Ремизов А. М. Среди мурья. Рассказы. М., 1917. С. 85).

³ Ремизов А. Пляшущий демон. Танец и слово. Париж, 1949. С. 57.

указ», ориентированная на жизненные реалии первых революционных лет. Ее герой — хитроумный заяц провозглашает среди зверей «указ с печатью»: « — От царя обезьяньего Асыки велено от всякого рода зверя доставить по сто шкур»¹. Используя традиционный сказочный прием, Ремизов проецирует характерные явления мира людей на фантастический мир животных. Так, в сцене, где заяц читает «указ» царя Асыки, травестируется общеизвестный стиль поведения революционных комиссаров с их декретами и мандатами: заяц умело использует рефлекс страха перед символом власти — «красным ярлычком от чайной обертки». Образ зайца несет в себе приметы житейского прагматизма самого писателя, который в роли канцеляриста Обезвельволпала провозглашал указы Асыки и собирал с верноподданных Великого Обезьяна подать («хабар»), необходимую для красочного оформления царских указов и грамот (особо ценилась цветная бумага или просто яркие обертки от упаковок). Миф об обезьяньем царе, издающем указы для людей, дополняется новым, пародийным элементом, с помощью которого сатирически высвечивался абсурд жизни. Введение имени Асыки в контекст сказки совершается органично, без каких-либо авторских комментариев².

К 1921 году появились основные законодательные документы Палаты, существенно пополнился список «обезьяньих» князей и кавалеров. Определившись как антитеза революционной действительности, Обезьянья Палата, конечно, являлась утопией: невозможным в мире очевидного. «Обезьяньи» тексты («Конституция», «Манифест», «Донесение обезьяньего посла обезьяньей вельможе», «Асыка», «Вонючая торжествующая обезьяна...» и др.) явились реакцией писателя на конкретные события и представляли собой художественное изложение идеологии и этических идеалов Палаты, которые намеренно противопоставлялись сумбуру и беззаконию революционной действительности. Как ироническая и даже сатирическая форма противостоя-

¹ Ремизов А. Ё. Тибетский сказ. Берлин, 1922. С. 12.

² Примечательно, что в первых публикациях сказки, появившейся в печати еще в России, указы издаются от имени «царя государя и великого князя». См.: Огонек. 1917. № 31. С. 489—490; Игра. 1918. № 2. С. 47—48.

ния действительности, Обезьянья Палата копировала новые жизненные реалии. Даже появившаяся в 1920-м году аббревиатура *Обезвелволпал* была создана наподобие названий таких политических и общественных образований, как Копровуч, Наркомпрос и многих других неологизмов, населивших быт и язык нового времени.

В составе «Взвихренной Руси» принципиальные изменения приобрел сон «Обезьяны», где он опубликован под новым названием — «Асыка»¹: обезьяны, выстроенные для казни на Марсовом поле, уподоблены красноармейцам (в редакции 1910 г. — солдатам), безбожных людей сменили «гуманнейшие умники», а в выражении «крещеный и некрещеный русский народ» были сняты все поясняющие эпитеты.

Наиболее показательно антагонизм «скотского» и «звериного», человека и обезьяны представлен в «Донесении обезьяньего посла обезьяньей вельможе». Первоначальный вариант «Донесения...», по-видимому, написанный летом 1921 года, запечатлен в Дневнике писателя. Здесь, однако, отсутствует последний абзац, основным содержанием которого стала тема свободного преодоления границ, связанная с отъездом Ремизова из России. Когда писатель оказался на положении бесправного эмигранта, именно «пограничье» навсегда стало для него естественным жизненным пространством. Поэтому в «Кукхе» (1923), мысленно обращаясь к старейшему кавалеру Обезвелволпала В. Розанову, он с горечью сетовал: «Эх, Василий Васильевич, только обезьянья палата (обезьянья палатка!) уничтожила всякие границы, заставы, пропуски и визы — иди куда хочешь, живи, как знаешь. И как она безгранична, палатка-то, границ не имеет, так и значения, увы! Никакого в ограниченном мире»².

Мифологический нарратив «Донесения обезьяньего

¹ Подключение сна «Обезьяны» к мифу Обезвелволпала произошло в печатной редакции, предшествовавшей выходу книги «Взвихренная Русь», которая была опубликована под названием «Асыка — царь обезьяний» в парижском сатирическом журнале «Ухват» (1926. 15 мая. № 3. С. 8). Этот текст полностью соответствовал первой редакции.

² Ремизов А. Кукха. Розановы письма. Берлин, 1923. С. 66.

посла» вписан в исторический контекст своей эпохи. В условиях политической деспотии победившего режима «обезьянье своеволие» выглядело предпочтительнее «порядка», устанавливаемого государством. Анархизм как «свободное подчинение правилам» воспринимался вполне позитивной декларацией прав отдельной личности. Некоторые содержательные аспекты «Донесения...» почти буквально напоминают высказывания одного из основоположников русского анархизма П. Кропоткина: «Среди своих ближайших сородичей, обезьян, человек видел сотни видов <...>, живших большими обществами, где все члены каждого общества были тесно соединены между собою. Он видел, как обезьяны поддерживают друг друга, когда идут на фуражировку, как осторожно они переходят с места на место, как они соединяются против общих врагов, как они оказывают друг другу мелкие услуги, вытаскивая, например, шипы и колючки, попавшие в шерсть товарища, как они тесно сгущаются в холодную погоду и т. д. Конечно, обезьяны часто ссорились между собой, но в их ссорах было, как теперь бывает, больше шума, чем повреждений; а по временам в минуты опасности, они проявляли поразительные чувства взаимной привязанности...»¹

Слова из «Донесения...» о том, что «ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием, чем бы они ни прикрывались» безусловно, восходят к свифтовским гуингнмам, на языке которых «совсем нет слов, обозначающих ложь и обман»². «Он <гуинггнм-хозяин> рассуждал так: способность речи дана нам для того, чтобы понимать других и получать сведения о различных предметах; но если кто-нибудь станет *утверждать то, чего нет*, то назначение нашей речи совершенно извращается, потому что в этом случае тот, к кому обращена речь, не может понимать своего собеседника; и он не только не получает никакого осведомления, но оказывается в состоянии худшем, чем неведение, потому что его уверяют, что

¹ Кропоткин П. А. Этика. М., 1991. С. 59—60.

² Свифт Д. Путешествия Лемюзля Гулливера в некоторые отдаленные страны света сначала хирурга, а потом капитана кораблей / Пер. А. Франковского. СПб., 1993. С. 485.

белое — черно, а длинное — коротко. Этим ограничивались все его понятия относительно способности *лгать*, в таком совершенстве известной и так широко распространенной во всех человеческих обществах»¹.

Этический смысл «Донесения...» вполне очевиден: жизнь отдельного человека, куда выше революционных обязательств перед государством, народом, партийным сообществом, насильственно ограничивающих свободу с целью исправления его же собственной «скотской» природы. «Обезьянам» не надо притворяться «человеками»: они обладают самыми «неограниченными правами» по преодолению всех искусственных границ, придуманных людьми. И — не будучи никому и ни в чем обязанными — для сохранения собственной жизни («хвоста»!) обезьяны непременно должны объединиться: их спасение единственно возможно при условии свободного подчинения «строгим правилам и выработанным формам».

Принципы своеволия были узаконены Ремизовым в «Конституции» Обезьяньей Великой и Вольной Палаты и в «Манифесте» «верховного властителя всех обезьян» Асыки Первого, которые, равно как и декларируемая «идеология», носили системообразующий характер. «Неисповедимость» целей и намерений Палаты вполне подтверждалась содержанием законодательных параграфов: предельно общими словами о характере «общества», его верховном правителе (образ которого известен, хотя «его никто никогда не видел»), гимне, обезьяньем танце, иерархической структуре, всего лишь трех «обезьяньих словах» да неизвестно зачем добавленного правила бытового поведения, намеренно подчеркивался «тайный» характер Обезвельволпала. «Манифест» декларировал одно-единственное право: называть ложь — ложью, а лицемерие — лицемерием. Отторгая «гноусное человечество, омрачившее свет мечты и слова», документ фиксировал противоположность свободного и естественного обезьяньего мира рабскому и лицемерному сообществу «людей человеческих».

Непременным условием самоутверждения государства является так называемая «легитимация» власти. В после-революционном историческом контексте «Конституция»

¹ Свифт Д. Путешествия Лемюэля Гулливера... С. 495.

Обезьяней Великой и Вольной Палаты и «Манифест» «верховного властителя всех обезьян» Асыки Первого не могли выглядеть иначе, чем откровенный политический эпатаж¹. В то время как новая власть, свергнувшая монархическую форму правления, стремилась сделать жизнь своих сограждан максимально контролируемой и «прозрачной», Обезвельволпал узаконил принципы своеволия: объявил себя «тайным обществом», «конституционной монархией» и в соответствии с парадоксальной логикой абсурда установил для своих подданных в качестве основного жизненного принципа «свободновыраженную анархию»: «Обезьянья Палата тем и обезьянья, дает все права и освобождает от всяких обязанностей»².

Однако следует иметь в виду и принципиальное отличие ремизовского «анархизма» (достаточно условного и аллегорического) от т. н. «зоологического материализма» русских анархистов, которые воспринимали порядки, царящие в животном мире, буквально: или же признавали инстинкт животных за основу развития человеческой свободы, или же как состояние, которое следует преодолеть. Ремизовская утопия, откровенно пародируя идеологическое доктринерство — в том числе и ортодоксальных анархистов, предлагала вполне оригинальный вывод: человек только тогда выйдет из своего рабского, «скотского» состояния, когда будет вести себя по отношению к другим людям столь же естественно, гармонично и «интеллигентно» — как относятся друг к другу представители животного мира.

На фоне уродливых проявлений большевистского режима Обезьяний орден стал контрверзой людскому противоборству и разъединению, провозгласив своим идеалом мир гармоничных человеческих взаимоотношений, исходным и итоговым смыслом которого должны быть принципы взаимоуважения, доброжелательства, абсолютной свободы без обязанностей и полной анархии, основанной на порядке и осознанных ограничениях.

Е. Р. Обатнина

¹ Об очевидной сатирической соотнесенности Обезвельволпала с реалиями исторического момента свидетельствует и дополнение к приведенному тексту «Конституции», записанное Ремизовым в альбом Я. П. Гребенщикову (1921 г.): «Обезвельволпал <...> есть общество тайное <...> висит на советской платформе» (Сообщено А. М. Луценко).

² Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж, 1953. С. 134.